

Без веры

Афанасия Николаевича Сальникова не переставали мучить во сне кошмары. Не одну ночь кряду, стоило ему лишь прикрыть глаза - и, как живой, вставал Павел. Можно было делать что угодно: ущипнуть себя нещадно, попытаться пальцами силой разлепить веки - ничто не помогало. И еще ладно бы был старший брат - кровь с молоком, как в молодости, но нет - обросшее щетиной лицо его было изможденным, в кровоподтеках, а в широко раскрытых глазах стыл страх.

«Братка, да как ты мог? За что?» - беззвучно шептали разбитые, распухшие губы Павла. Афанасий Николаевич поспешно опускал глаза, и взгляд его упирался в вороненый наган, зажатый в руке. Немного позади Сальникова стояли вооруженные не то солдаты, не то чекисты, но стрелять в жалкую скорченную фигуру брата, жмущуюся к краю отверстого черного зева ямы, назначено было именно ему. Те, другие, подступив ближе к Афанасию Николаевичу, дышали ему в затылок, давили под ребра стволами своих наганов, давая понять, что если он сейчас не выстрелит, то сам будет немедленно вытолкнут к брату на край ямы. У Сальникова, вставая дыбом, зашевелились на голове остатки волос; еле двигая непослушным, немеющим от страха языком, он забормотал: «Я не хочу! Я боюсь! Я не хотел этого, Павел!» и...торопливо давил пальцем на револьверный спуск, просыпаясь с истошным воплем...

Афанасий Николаевич решился рассказать о своих сновидениях дочери. Она, пережившая двух супругов, одного - пьяницу, другого - убийцу, подняла на отца обведенные траурными ободками печальные глаза:

- Поминка твой брат просит. В церковь надо сходить и панихиду заказать.

- Это по Пашке-то?! - задрбезжал смешком Афанасий Николаевич.

Даже весело старику стало. Уж кого-кого, а Павла-то точно бы святая церковь предала анафеме, как злейшего своего врага, разузнайся бы одно дело...

Настоятель храма отец Иоанн, иссохший согбенный старец, стоял перед иконами, творя молитву. На вбежавшего Павла он не оглянулся, лишь сквозняк, загулявший по светелке, озорно взъерошил редкие седые волосы на его затылке.

- Где церковное золотишко схоронил?! - взорал уполномоченный с порога.

Плечи старца слегка вздрогнули, настоятель осенил себя размахисто крестным знаменем и поклонился.

- Чего шепчешь-то, чего? - Павел забежал сбоку и уставился в упор на отца Иоанна. - Небось, обрадел, что припрятать-то успел? Бога своего благодаришь? Ну, ничего, заговоришь у нас скоро!..

Зимний день исчах, затух... По хорошо наезженной колее лошади ходко бежали сами, без всякого понукания, и Афоня, отпустив вожжи, начал на облучке поклевывать носом. Он очнулся от толчка в спину и испуганно заозирался в кромешной тьме. На счастье месяц робко проглянул в просвете среди облаков, и при его неровном мертвенном свете на Афоню опупело вытаращил блестящие полтинники глаз Павел.

- Остановись, ну-ко!

Брат спрыгнул с саней, четкими отработанными движениями расстегнул кобуру и подкинул в руке наган.

- Вылезай, поп! Читай молитву!

Связанный священник боком вывалился из санок, каким-то чудом устоял на ногах. Павел ткнул ему в бок ствол нагана:

- Ты еще можешь спасти свою шкуру! Назови тех, кого подучил золото скрыть!

Отец Иоанн молчал, зато староста храмов не выдержал, заголосил тонко, по-бабьи, с надрывом:

- Батюшка, да скажи им, окаянным! Не губи себя.

- Молчи! - жестко оборвал его священник. - Господь не простит, коли отдадим святыни псам на поругание!

Резким толчком Павел свалил отца Иоанна и, сдернув с саней связку вожжей, захлестнул тугой петлей его ноги.

- Счас ты у меня иное запоешь!

Павел запрыгнул в санки, закрепил свободные концы вожжей и прикрикнул Афоне:

- Чего рот раззявил? Гони!

От окрика Афоня прирос к облучку, не в силах шевельнуть ни рукой ни ногой, и тогда брат, вырвав из его рук ременницу и раскрутив ее над головой, с гиком опустил на круп лошади... Все смешалось: и яростный визг полозьев, и стоны отца Иоанна, и причитания, мольбы, проклятия старосты, и грохочущий площадный Пашкин мат...

У окраины города Павел остановил лошадей, вразвалочку, поигрывая ременницей, подошел к неподвижно распростертому на снегу, в черных клочьях изодранной рясы, телу отца Иоанна:

- Теперича поговорим?

Носком сапога он подопнул мертвое тело под бок.

- Да ты, кажись, спекся.... Вот незадача! - Павел залез пятерней под шапку и поскреб затылок...

Обо всем этом и вспоминал в подробностях Афанасий Николаевич, пока воскресным днем брел к Божьему храму. Ничто не упустила память, все случилось будто бы вчера. И поневоле замедлил Сальников шаги, подходя к воротам церковной ограды. Не пошел бы сюда, если б не измучивший донельзя брат, являющийся во снах! Но вдруг это взаправду поможет избавиться от изнуряющих видений окровавленного Павла, кончившего свои дни где-то в колымских лагерях, в последнее время еще и изуродованной рукой манящего за собой на край страшной ямы!

У ворот безлюдно. Из храма доносились приглушенные толстыми стенами звуки песнопения: правили службу. Сальников, топчась возле кованой узорчатой калитки, никак не мог одолеть робость, непонятный трепет. Задрал голову - и ослаб в коленках: высоченная белоснежная колокольня, полощущая золоченый крест в облаках, медленно и неумолимо падала на него...Старик поспешно вцепился обеими руками в прутья калитки, прижался к ним.

Нет, не при чем он! Не предавал мученической смерти священника, как Павел, и в тридцатом году, когда окончательно разоряли в городе и в округе храмы, не жег костры из икон и не драл поповские ризы на тюбетейки пацанам, как уполномоченный Иван Бахвалов. Но приплясывал рядом с ним, любуясь, как с этой же вот колокольни сбрасывали колокола и под его грозным взглядом с угодливой готовностью метнулся на подмогу замешкавшимся с большим колоколом активистам из городских оборванцев,

чтоб и мысли не поимел уполномоченный, что юный комсомольский секретарь трусит, а то и сочувствует церковникам-мракобесам...

Тихонькой подловатой радостишкой залился Сальников месяц спустя, услышав что Бахвалов, догромивший в округе все церкви до одной, вдруг помер в страшных мучениях. Слухи ходили разные: то опился самогоном, то отравили обиженные недруги, но сходились на том, что была на то воля Господня, уж больно лютовал уполномоченный. Афанасий порадовался - порадовался да сник трусовато. Твердил, как и Бахвалов, на каждом углу, что Бога нет, что выдумали его попы, дабы охмурять трудовой народ - все согласно учению родной партии, а тут подкралась мыслишка: если это не так? Бахвалов-то, говорят, помирая, орал, будто на части его рвали! Вдруг Божья кара?!

Тогда, среди повседневной суеты, мыслишка эта затерялась, истаяла. И только сегодня, возле церковной паперти, Афанасий Николаевич начал осознавать, что вся его бестолковая, полная унижений и мытарств, вечного страха, долгая жизнь - расплата за молодость, одураченную, беспощадную, бездумно сломавшую свою и чужие судьбы с безумной верой в... ничто.

У входя в храм Сальников столкнулся с двумя немолодыми женщинами в одинаковых белых платочках. Женщины, обходя Афанасия Николаевича, как-то странно поглядели на него, в лицах их ему померещилось что-то знакомое.

Сидящая на паперти старушка ненавязчиво и деликатно раз-другой дернула за штанину разинувшего рот Сальникова, распялила коричневую ладонь со скрюченными пальцами.

- Подай Христа ради!

Афанасий Николаевич торопливо пошарил в карманах, нашел несколько завалывшихся монеток, высыпал на ладонь.

- Спаси Бог!

- А кто они? Не знаете? - пригнувшись к нищенке, он кивнул вслед женщинам.

- Вани Бахвалова дочери. Поди, знавал такого? Много горюшка сотворил, безбожник... А теперича вот дочки при церкви прислуживают, грехи отцовы замаливают. И тебя-то, мил человек, я помню. Молоденьким еще. Кулачил ты нас, семью всю выслал. Одна я и возвратилась.

Сальников испуганно отшатнулся, но нищенка смотрела на него по-прежнему добрыми слезящимися глазами.

- Да простит тя Господь...

На плохо гнущихся, будто окостенелых, ногах Афанасий Николаевич стал подниматься по круто вздернутой вверх лестнице. Сердце было готово выпрыгнуть из груди, и посередине пути, навалившись на перила, Сальников остановился перевести дух.

Бахваловские дочери, поднимаясь мимо него по ступеням, теперь посмотрели на него не столько удивленно, сколько с неодобрением:

- Кепку снимите, здесь дом Божий! - прошептала одна из них.

Афанасий Николаевич поспешно сдернул кепку, с великим трудом пересиливая желание зашагать вниз, обратно, да и пошустрей! Прочь отсюда, куда глаза глядят!

Но печальное торжественное пение, доносившееся сверху, притягивало, завораживало, и Сальников против своей воли опять стал подниматься по лестнице. «Да и Пашка опять покою не даст! Так, ровно в затылок, все время дышит!» - оправдывался он.

Правили архиерейскую службу. Народ в престольный праздник заполнил храм; стояли вплотную друг к другу. Афанасий Николаевич завставал на цыпочки, завытягивал шею, пытаясь разглядеть, что творится в полутемной глубине храма, но в это время церковный хор умолк. Из царских врат на солею вышел в сияющих ризах архиерей.

Сальников напряг зрение - вдаль он видел еще неплохо, без очков, и обмер. Отец Иоанн, убиенный Павлом той давней ночью, с кроткой смиренной улыбкой благословлял прихожан. Это точно он! Седая курчавая бородка, низко нависшие над глазами седые брови, ласковый взгляд. Только одеяния на отце Иоанне не траурно-черные, а сияющие до рези в глазах. Но как же так? Ведь Сальников самолично трясся от страха и холода над его изувеченным, в изодранной рясе, телом!

Афанасий Николаевич заозирался, ища помощи, ноги не держали его. Из-под куполов, со стен смотрели сурово строгие лики святых. «Я не виноват! Все Пашка!» - попытался крикнуть во всеуслышание Сальников, но из уст вырвалось лишь невнятное мычание. Он попятился к выходу, едва не налетел на человека, стоящего на коленях перед иконой в притворе храма. И человек этот показался очень знакомым...

«Па-авел! - распялил рот в беззвучном крике Афанасий Николаевич и отшагнул в пустое пространство...

Грохот от падения его сухонького маленького тела встряхнул звонницу, отдаваясь эхом под ее высоким сводом. Сальников, оббив бока и голову об околоченные полосами железа края лестничных ступеней, весь в крови, лежал навзничь на паперти, раскинув руки и ноги.

- Как уж тебя угораздило-то, сердешный?!

Старушонки, кое-как приподняв Афанасия Николаевича, сошли с ним на землю, положили между могилок подле стены храма. Нищенка, поддерживая на коленях его голову, отирала кровь платком, дочери Ивана Бахвалова, испуганные, часто клали кресты, шепча молитвы бескровными губами.

Афанасий Николаевич разлепил веки, в красном тумане над ним склонился брат Павел...

- Прости их, Господи! Не ведали, что творили... - перекрестилась нищенка и легонькой своей ладошкой закрыла Сальникову глаза.

Николай Толстиков

March 11, 2010

Источник: <http://www.poems4christ.com/ru/article/4931>

© Copyright 2025, Поэзия для Христа - www.poems4christ.com